

Мягкий апрель

Едва услышав название этого месяца, ласкающее слух сочетанием мягких звуков, мы поймем: вот-вот придет на землю что-то светлое, теплое, радостное.

Робким котеночком, неслышимым и невидимым, просочится молодой апрель в кроны деревьев, в заснеженные пока поля, в страшные глазницы покинутых изб. Заглянет и в темные пазухи речных берегов, а с рассветом начнет наводить свои апрельские порядки. Словно рыжий конь, вознесется в чистую глазурь неба солнце. И там, где волшебные лучи его достигнут земли, сразу потеплеет, снег окрасится в мягкий розовый цвет, и озорные ручейки побегут наперегонки будить реки. Воспрянет мир божий. Все придет в движение, но хитрющему сорванцу апрелю и этого мало. Подавай ему красоту необыкновенную. Подчиняясь его желанию, даже растрепанная серая ворона подчистится, чуть подсветлит свой наряд и, усевшись на веселую березу, вообразит себя жарптицей. Крикнет, чтобы все обратили внимание. Зря крикнет: вымахнет из ближайшего леса ястреб-тетеревиатник, увидит серую вообразулю и, почти по-человечески подумав: «Ах ты, королева свалок! Я тебе перьев-то поубавлю!», молнией метнется к березе. Не сдобровать бы вороне, но в апреле никому нельзя умирать, а потому стая нарядных галок сорвется навстречу и поднимет гвалт «на всю ивановскую». Да такой, что ястреб, оглохший и нецензурно оскорбленный, повернет к месту покинутой засады.

Все живое в этом замечательном месяце сходит с ума. На что зайцы - народ трусливый, а потому благонадежный и в сентиментальности не замеченный, вдруг совершенно потеряют свою длинную голову, соберутся в кучу на опушке леса и не только не прячутся, а, наоборот, выставляют себя напоказ, носятся друг за другом, как угорелые, а иные в нарушение техники безопасности верещат даже.

Глухарь, птица совершенно, казалось бы, уравновешенная, но то ли водички талой пивнет или по другой какой причи-

Апрель в Великом Устюге. Набережная реки Сухоны. Фото: Даниил Зинченко, «СМ».

« Все придет в движение, но хитрющему сорванцу апрелю и этого мало. Подавай ему красоту необыкновенную

не с утра, еще в потемках взлетит на сосну и давай по суку похаживать да песенки распевать.

Оглохнет аж от избытка чувств. Не знает, что по человеческому уложению не шибко принято с утра, выпивши, песни распевать. А ведь бестолково уложение-то. Новый день надо радостью встречать, песней. И даже зорьянка, птичка с гулькин нос, это знает. Чуть забрезжит, а она уж на своей черемушке посвистывает.

Только у людей все наоборот. Придет человек усталый с работы, и свалится на него домашние дела, которые сроду никто не мог переделать, да мысли о хлебе насущном дойдут. А тут еще соседи кличут – праздник у них, видите ли: троюродная племянница, где-то в Усинске живущая, родила. Ну, и у соседей, понятно, – праздник. Егорьев день. Племянница так сына прозвала. В честь Лигачева что ли? Или по гороскопу? Вот она там родила, а ты тут, несмотря на усталость, водку пей, а потом еще – «поговорить». Сосед в грудь себя колотит: «Все великие люди родились в апреле». Перечислять начнет: «Ленин, Гитлер-сволочь, и вот Егорка – пока еще не определился». И это на ночь глядя. Утром другое дело. Утром даже пелухи поют. Пели, то есть.

Там, где они провозглашали новый день, сейчас и деревень-то нет! Зато спокойно, тихо: ни проблем, ни жалоб.

Тетерева на заброшенных полях изредка побормочут, да оставшиеся в глухих суземах глухари при любом строе собираются ни свет ни заря, поют что-то на непонятном языке. Нормальный буржуй в это время еще только домой из сауны шеперится. Ничего не подделаешь, жизнь у них такая: весь день в грязи, всю ночь отмываешься. Тяжело! Но о чем это я? Апрель на дворе. А в апреле днем тепло, а ночью еще холодит, и, на счастье деревенской детворы, образуется наст. Кто не катался по насту с полевых взлобков на подбитых железом санках, тот не знает, что такое восторг, что такое умопомрачительная скорость, и того не драли вицей за оборванные пуговицы на фуфаячке. Жизнь! Прокрути немножко назад: в те времена, когда от детского смеха звенел утренний воздух, когда все снега угоров были начисто снесены многочисленной и, ей Богу, счастливой детворой.

...Весь мир преобразился. Весеннее тепло топил снег, даже в таежных суземах, куда пришли, ожидая пополнения, осторожные лосихи.

Медведица с медвежатами в поисках пропитания подходят к скотным дворам и на околицы деревень.

Пара волков наладила логово, но пока не дает к нему след, осторожничают. Под всеохватывающий рокот тетеревов веселится на проталинах птичья мелюзга, а в деревнях у отвоєванных от воробьев домиков, вытанувшись в струнку, покачиваясь вслед за

художественным свистом, самозабвенно поют скворцы. Посмотришь – и станет ясно, кто учил оперных артистов. Грачи хлопчут у гнезд. Голосок у них, не приведи Господи, но, к удивлению, вполне вписывается во всеобщее ликование природы. Нет, вы только посмотрите, посмотрите, как струится над жердями изгороди ставший живым воздух, как обнимает он каждую веточку ивы, каждый ее цветочек – вербашку, возможно, он даже признается в любви. Жаль, что мы не слышим. Ведь иногда нам не хватает каких-то нужных и очень важных слов. Наверняка, их знает апрельский струющийся воздух. Как сладко влюбиться в апреле! Только если не первого числа. Первого – все-равно не поверят. А вот второго, особенно после обеда, – пожалуйста. Все тому способствует: и тепло, и птичий щебет, да и одежонка уж более тому подходит, легче и аккуратней. Вы сами представьте: каково, к примеру, влюбиться в тулупе и в ватных штанах? Где лицо, где стройность фигуры, где все остальные атрибуты для оценки вас как потенциального предмета любви? Ничего близкого нет. Ну и, понятно, никакого к тебе внимания. В апреле – другое дело.

И, эх! «Выйду на улицу, гляну на село. Девки гуляют – и мне весело!» Ох, как нужна гармошка доброму апрельскому вечеру! Также, может быть, как любовь – робкому и нежному юному сердечку. Вот уж махоньким солнышком зацвела на южном склоне мать-имачеха, а за ней чудо земное, хрупкое и такое долгожданное – медуница.

Николай Алешинцев.